

ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ...

Даниэла Герц

Даниэла Герц
Империя после...

«Автор»

2026

Герц Д.

Империя после... / Д. Герц — «Автор», 2026

В день президентских выборов аналитик Алексей Воронцов меняет в государственном прогнозе всего одно слово: вместо «кризиса» появляется «турбулентность». Цифры остаются прежними, но страна уже не услышит предупреждения. Новый президент обещает Яиссории порядок, стабильность и возвращение былого величия. Первые меры действительно помогают, однако вскоре временные ограничения превращаются в постоянные, права — в привилегии, а люди — в строки государственных расчётов. Получив доступ к центру системы, Алексей убеждает себя, что каждое его решение необходимо ради спасения страны. Его друг Илья пытается защитить тех, кого власть признала бесполезными, а исследователь Екатерина Левина ищет настоящих хозяев Яиссории. Но можно ли раскрыть правду, не обрушив государство? И где проходит граница между спасением страны и соучастием в её гибели? «Империя после» — антиутопия о власти слов, добровольном отказе от свободы и цене одного безобидного компромисса.

© Герц Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. День надежды	6
Глава вторая. Одно слово	8
Глава третья. Цена формулировки	11
Глава четвёртая. Катя	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Даниэла Герц

Империя после...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. МЯГКИЕ СЛОВА

Глава первая. День надежды

Глава вторая. Одно слово

Глава третья. Цена формулировки

Глава четвёртая. Катя

Глава пятая. Первая погрешность

Глава шестая. Допуск

ЧАСТЬ II. НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ

Глава седьмая. Хирургия

Глава восьмая. Северный свет

Глава девятая. Коэффициент полезности

Глава десятая. Исключение

Глава одиннадцатая. Погрешность

Глава двенадцатая. Органолептика

Глава тринадцатая. Заповедник

ЧАСТЬ III. РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Глава четырнадцатая. Фонтаны

Глава пятнадцатая. Списание

Глава шестнадцатая. Пустой кабинет

Глава семнадцатая. Чёрная папка

Глава восемнадцатая. Ликвидационный баланс

Глава девятнадцатая. Ошибка в формуле

ЧАСТЬ IV. ИМПЕРИЯ ПОСЛЕ

Глава двадцатая. Настоящий хлеб

Глава двадцать первая. Казус белли

Глава двадцать вторая. Нулевой километр

Глава двадцать третья. Возвращение

Глава двадцать четвёртая. Два списка

Глава двадцать пятая. Протокол обнуления

Глава двадцать шестая. Сумма тишины

ЧАСТЬ I. МЯГКИЕ СЛОВА

Глава первая. День надежды

Вечером, когда Яиссория выбирала нового президента, Алексей Воронцов удалил из государственного прогноза слово «кризис».

Он сделал это в 18:47, за тринадцать минут до закрытия участков и за два часа до того, как площадь Единства заполнится людьми. На экране ноутбука мигал курсор. Строкой выше оставались те же цифры: падение промышленного производства, сокращение резервов, износ энергосетей. Цифры никто не просил менять. Только вывод.

— «Системный кризис» звучит как диагноз, — сказал директор, стоя за его плечом. — А диагноз должен ставить тот, кто отвечает за лечение.

— Мы и отвечаем за прогноз.

— За прогноз — да. За страну — нет.

Директор говорил негромко. За стеклянной перегородкой сотрудники Института системного прогнозирования уже собирали вещи. Кто-то надел пальто, кто-то открыл трансляцию подсчёта голосов. В коридоре пахло кофе и мокрой шерстью.

— Оставьте расчёты, Алексей Викторович. Замените одно слово. Завтра новая администрация увидит документ. Не стоит встречать её истерикой.

— Если зимняя нагрузка совпадёт с остановкой северных турбин, мы потеряем до семнадцати процентов генерации.

— Вот и напишите: «период повышенной турбулентности». Это точнее. Кризис — конец. Турбулентность — путь.

Директор ушёл, оставив дверь открытой.

Алексей ещё раз просмотрел модель. Красные линии сходились у начала февраля. Вероятность аварийных ограничений — шестьдесят восемь процентов. Он мог отказаться. Тогда записку переписет другой сотрудник, а его фамилия исчезнет с титульного листа. Через месяц должны были назначить руководителя отдела. Алексей ждал этой должности четыре года.

Он выделил слово и набрал: «период повышенной турбулентности при сохранении адаптационного потенциала».

Смысл не изменился, сказал он себе. Специалист увидит цифры. Неспециалист всё равно не поймёт.

Он отправил документ в Совет развития и закрыл ноутбук.

На улице моросил дождь. Над Астором висело низкое, подсвеченное экранами небо. На фасадах домов уже показывали Кирилла Арденова — сорокачетырёхлетнего кандидата с ровным голосом и внимательными серыми глазами. Под его портретом медленно появлялся лозунг: «Порядок освобождает».

В метро Алексей встретил Илью Серова. Они дружили со студенческих лет, хотя теперь виделись реже: Алексей измерял государство показателями, Илья защищал людей от его показателей в судах.

— Успел проголосовать? — спросил Илья.

— Утром.

— За него?

Алексей посмотрел на экран над дверью вагона. Арденов говорил, что Яиссория слишком долго жила короткими решениями и теперь должна вернуть себе способность планировать.

— Мне нравится, что он не обещает чудес.

— Он обещает порядок. Это чудо, за которое обычно выставляют счёт после доставки.

— Ты всех подозреваешь.

— Профессия.

На станции Единства они вышли вместе. Поток вынес их на площадь, где пахло мокрым камнем, жареным сахаром и озоном от световых установок. Люди держали флаги Яиссории — белое поле, пересечённое синей вертикалью. На сцене ещё не было победителя, но толпа уже репетировала ликование.

Илья ушёл к знакомым, а Алексей остался у фонтана. В 21:06 Центральная комиссия объявила предварительный результат: шестьдесят два процента.

Арденнов появился на всех экранах одновременно.

— Мы открываем эпоху ответственности, — сказал он. — Государство снова станет инструментом тех, кто создаёт.

Толпа ответила рёвом. Женщина рядом с Алексеем заплакала и прижала к себе девочку в жёлтом дождевике. Мужчина поднял сына на плечи. Люди праздновали не победу политика. Они праздновали окончание неопределённости.

Телефон Алексея завибрировал.

«Записка принята без замечаний, — написал директор. — Отличная работа. Завтра в десять обсудим новую должность».

Алексей почувствовал облегчение. Оно было тёплым и почти стыдным.

На экране Арденнов произнёс:

— Трудные решения не должны пугать нас, если они основаны на правде.

Над площадью разорвались белые огни. На секунду лица вокруг стали бесцветными.

Алексей подумал о красных линиях, оставшихся в приложении к записке. Правда была на месте. Он ничего не скрыл.

Он только дал ей другое имя.

Глава вторая. Одно слово

Через неделю Алексей стал исполняющим обязанности руководителя отдела.

Назначение не сопровождалось приказом. Директор пригласил его в кабинет, подвинул папку и сказал, что новой администрации нужны люди, понимающие ответственность публичных формулировок. Алексей подписал согласие. Вечером отдел поздравил его дешёвым игристым, которое Марина из статистики принесла в сумке, завернув в шарф.

Первые меры Арденова выглядели разумно. Совет развития получил право ускоренно распределять топливо и резервные мощности. Крупные контракты перевели на временное лицензирование. Правительство заморозило тарифы на транспорт и электричество. Телевизионные ведущие называли это программой стратегического равновесия.

Цены действительно перестали расти.

Павел, муж двоюродной сестры Алексея, позвонил ему в субботу.

— Слушай, а ваш Арденов не пустой, — сказал он. — Нам на комбинат аванс вернули. И свет больше не скачет. Мужики сначала ругались, а теперь притихли.

— Он не мой.

— Ты за него голосовал.

— Полстраны за него голосовало.

— Значит, полстраны иногда умеет думать.

Павел рассмеялся. На заднем плане Лена звала детей обедать.

— Приезжай в воскресенье. Тётя Вера будет. Она твой пирог с капустой заказала.

— Постараюсь.

В понедельник в институт пришёл срочный запрос из Совета развития. Требовалось определить предприятия, которым можно временно ограничить энергоснабжение без существенного влияния на экономику.

На карте северного промышленного пояса горели сотни точек. Алексей настроил фильтры: занятость, налоговые поступления, участие в экспортных цепочках, социальная значимость. Внизу списка оказался машиностроительный завод в городе Озёрске. Три тысячи работников, устаревшее оборудование, отрицательная рентабельность.

— Если снизить им лимит на двадцать процентов, они встанут, — сказала Марина.

— Не встанут. Перейдут на одну смену.

— У них непрерывный участок.

Алексей открыл техническое приложение. Марина была права. Но если не забрать мощность у Озёрска, её пришлось бы забрать у двух химических предприятий, производивших компоненты для очистки воды.

— Тогда дадим двадцать пять процентов и отдельную строку о компенсации работникам.

— Компенсации нет в бюджете.

— Совет найдёт.

Марина посмотрела на него так, словно хотела что-то сказать, но передумала.

Вечером пришёл ответ: предложение одобрено, раздел о компенсациях «принят к сведению». Через три дня Озёрский завод объявил о переходе на сокращённую неделю.

На совещании директор похвалил отдел Алексея. Перераспределение позволило избежать отключений водоочистных станций в четырёх городах.

— Это и есть ответственность, — сказал он. — Не всем приятно, зато вода будет у миллиона человек.

Алексей согласился. Решение было правильным. Даже Марина признала, что другой возможности не существовало.

В воскресенье он приехал к Лене. За столом Павел рассказывал о новых заказах комбината. Тётя Вера, маленькая женщина с короткими седыми волосами, аккуратно раскладывала рядом с тарелкой шприц-ручку.

Квартира Лены находилась на окраине Астора, в доме, построенном для работников старого приборного завода. Завода давно не было, но на фасаде сохранялась мозаика: рабочий держал над головой сияющую шестерёнку, а вокруг него летели спутники. Павел каждый раз говорил, что когда-нибудь соберёт подписи и заставит управляющую компанию отмыть мозаику. Пока она темнела вместе с домом.

За столом сидели ещё Илья и его жена Оксана. Илья принёс бутылку вина, Павел — мясо с комбинатского рынка. Разговор быстро перешёл к новой власти.

— У нас впервые заказ на полгода вперёд, — говорил Павел. — Раньше директор только кредиты перекалывал. Сейчас Совет развития дал нормальный контракт и потребовал результат. Строго, зато понятно.

— Понятно будет, когда увидите условия мелким шрифтом, — сказал Илья.

— Ты юрист, у тебя мелкий шрифт вместо крови.

— А у тебя начальник обещает зарплату вместо неё.

— Получили уже.

Павел достал телефон и показал перевод. Лена рассмеялась:

— Он всем показывает. В магазине кассирше показал, будто она налоговая.

— Потому что три месяца нам платили частями. А сейчас всё до копейки.

Тётя Вера поставила пирог и велела оставить политику за дверью. Но, усевшись, сама спросила Алексея:

— Этот молодой президент надолго?

— Минимум на срок полномочий.

— Я не про это. Хватит ему характера порядок удержать?

— А вам какой порядок нужен, Вера Андреевна?

— Чтобы в аптеке лекарство было и зимой за отопление не отдавать половину пенсии.

Остальное вы, умные, между собой решайте.

— Вот поэтому и решают без вас, — сказал Илья.

— А ты хочешь, чтобы я в Совете сидела? Я суп без очков солю. Пусть каждый своим делом занимается.

Павел поднял вилку:

— Правильно. Наверху вся картина. А мы видим свой цех да свой подъезд.

Илья посмотрел на Алексея.

— Ты тоже так считаешь?

— В сложной системе решения не принимают общим голосованием по каждому параметру.

— В сложной системе обратная связь важнее приказа.

— Вы можете один день не спорить? — попросила Лена. — У нас дети уже думают, что дядя Илья приходит ругать государство, а дядя Лёша — его защищать.

— Я не защищаю государство, — сказал Алексей.

— Конечно, — ответил Илья. — Ты только меняешь ему слова.

Фраза прозвучала почти шуткой, но Алексей понял: Илья что-то знает о записке. Возможно, видел материалы профсоюза или старую версию. Он хотел спросить, однако Павел уже рассказывал, как новый заказ спас их цех от консервации.

После ужина дети заставили Алексея играть в настольную игру о строительстве города. Нужно было распределять воду, деньги и электричество между районами. Младший, Миша, всё тратил на парк аттракционов и проиграл из-за остановки электростанции.

— Нечестно, — сказал он. — Я же сделал людям хорошо.

— Хорошо должно откуда-то питаться, — объяснил Алексей.

— А нельзя всем дать одинаково?

— Иногда одинаково — значит, никому не хватит.

Миша задумался и отдал электричество больнице, оставив парк в темноте.

— Теперь правильно?

— Теперь у тебя есть шанс.

Лена наблюдала из кухни. Когда дети ушли, она спросила:

— Ты и на работе так решаешь? Кому свет, кому темнота?

— На работе всё сложнее.

— Надеюсь.

По дороге домой Алексей поймал себя на том, что вспоминает не спор с Ильёй, а лицо Миши, когда погас картонный парк. Ребёнок принял решение быстро, потому что фигурки ничего не чувствовали.

В модели Алексея тоже не было лиц.

— Опять сахар? — спросил Алексей.

— Возраст, — отмахнулась она. — Зато препарат хороший. Врач сказал, с ним до ста лет проживу.

После обеда по телевизору показывали Арденова. Президент стоял на фоне водоочистой станции и говорил о миллионе граждан, которые не заметили угрозы благодаря своевременному решению государства.

— Вот, — сказал Павел. — Наверху знают, куда что перебросить. Нам всей картины не видно.

Алексей посмотрел на экран. Внизу мелкой строкой шла новость о временной приостановке производства в Озёрске.

Он подумал о трёх тысячах работников и о миллионе людей, открывших утром кран.

Баланс был очевиден.

И всё же слово «временно» он заметил раньше остальных.

Глава третья. Цена формулировки

Зима пришла в Яиссорию на две недели раньше.

Северные турбины, о которых Алексей писал в предвыборной записке, не остановились одновременно. Сначала на одной обнаружили трещину в валу. Через шесть дней вторая ушла в аварийную защиту. Третью пришлось заглушить для проверки.

На закрытом совещании в Совете развития министр энергетики разложил перед аналитиками распечатки.

— Почему в основном выводе нет предупреждения о вероятности каскада?

Директор института перелистнул документ.

— Оно есть в приложении семь.

— Приложение семь не читают до аварии.

Алексей сидел напротив и смотрел на собственную фразу: «повышенная турбулентность при сохранении адаптационного потенциала».

— Кто автор? — спросил министр.

Директор выдержал короткую паузу.

— Коллектив института.

Это было спасением и предупреждением одновременно.

В столице нагрузку удержали. В двух северных районах ввели веерные отключения. На экранах их называли управляемым снижением потребления. Людям присылали расписания, но расписания менялись быстрее, чем успевали обновляться приложения.

Через Илью Алексей узнал, что жители Озёрска подали иск к Совету развития: после сокращения энергоснабжения завод не выплатил зарплату и закрылся. Илья представлял профсоюз.

— Не бери это дело, — сказал Алексей, когда они встретились в маленьком баре у старого суда.

— Почему?

— Потому что компенсации предусматривались.

— Где?

— В нашем заключении.

— В бюджете их нет. В постановлении тоже.

— Это не значит, что решение было неправильным.

— Я и не оспариваю решение забрать электричество. Я спрашиваю, почему государство пообещало людям компенсацию и забыло.

Алексей помолчал.

— Потому что иначе документ не согласовали бы.

Илья перестал крутить стакан.

— Повтори.

— Раздел о компенсации позволил провести решение. Без него обсуждение затянулось бы, и четыре города могли остаться без очистки воды.

— То есть людям пообещали деньги, чтобы они не мешали спасать других людей.

— Ты упрощаешь.

— Я юрист. Иногда упрощение называется составом нарушения.

— А иногда формализм убивает больше, чем плохое решение.

Они расстались холодно.

На следующий день директора вызвали в Совет развития. Вернувшись, он закрылся с Алексеем в кабинете.

— Они нашли старую версию записки.

У Алексея пересохло во рту.

— Откуда?

— Не знаю. В ней есть «системный кризис» и вероятность каскада. Министр считает, что институт сознательно смягчил предупреждение.

— Вы сами просили заменить слово.

— Просил. Но файл сохранили вы.

— Я сохраняю версии всех моделей.

— Это хорошая привычка для учёного и плохая для государственного служащего.

Директор подошёл к окну.

— Вопрос можно закрыть. Совету нужен человек, который объяснит расхождение и подготавливает новую методику оценки рисков. Я назвал вашу фамилию.

— Вы хотите, чтобы я признал это своей редакторской ошибкой?

— Я хочу, чтобы вы стали человеком, чья ошибка исправила систему. Или человеком, из-за которого система начнёт искать виноватых.

Алексей понял: ему предлагают не наказание, а повышение в обмен на правильно распределённую ответственность.

— Когда встреча?

— Завтра.

Вечером он получил сообщение с неизвестного номера.

«Вы заменили диагноз прогнозом погоды. Теперь они обвинят облака. Если хотите узнать, кто нашёл исходный файл, приходите в четверг в кафе “Маяк”. Екатерина Левина».

Алексей перечитал сообщение трижды.

Имя он знал. Екатерина Левина писала расследования для издания «Фактор». Именно её статья о закупках турбин два года назад заставила правительство признать, что модернизация существует только в отчётах.

Он удалил сообщение.

Потом восстановил его из корзины.

Глава четвёртая. Катя

Кафе «Маяк» располагалось в здании бывшей телефонной станции. Стены сохранили медные таблички с номерами линий, а вместо музыки здесь звучал негромкий треск старых радиоприёмников.

Катя сидела у окна. Светлый жакет, тёмные волосы, собранные на затылке, блокнот без единой записи. Она поднялась, когда Алексей подошёл, и протянула руку.

— Я думала, вы не придёте.

— Я тоже.

— Кофе здесь плохой. Зато камеры принадлежат владельцу, а не городской сети.

— Вы всегда начинаете знакомство с паранойи?

— Только с людьми, чьи документы меняют отопление в пяти регионах.

Она пододвинула к нему планшет. На экране стояли рядом две версии записки — исходная и подписанная.

— Откуда это у вас?

— Если отвечу, вы уйдёте.

— Тогда зачем позвали?

— Понять, кто вы. Человек, которого заставили солгать, или человек, который научился считать ложь частью модели.

— Цифры не менялись.

— Изменилось действие, которое они вызвали.

— Министр обязан читать приложения.

— Он обязан делать то, за что его накажут. За непрочитанное приложение не наказывают. За слово «кризис» — наказывают.

Алексей откинулся на спинку стула.

— Вы хотите написать обо мне?

— Если бы хотела, уже написала бы.

— Тогда чего вы хотите?

Катя несколько секунд смотрела на улицу. За стеклом люди обходили лужи, не поднимая глаз.

— Я два года расследовала закупки северных турбин. Все знали, что оборудование изношено. Инженеры, подрядчики, министерство. Каждый подписывал только свой кусок. Никто не солгал полностью. В итоге у катастрофы нет автора.

— И вы решили назначить им меня?

— Нет. Вы мне интересны потому, что сохранили исходный файл.

— Обычная рабочая привычка.

— Люди избавляются от доказательств своих компромиссов. Вы их коллекционируете.

Официант поставил кофе. Катя дождалась, пока он отойдёт.

— Завтра вам предложат подготовить новую систему оценки рисков. Согласитесь.

Алексей не показал удивления.

— Вы хорошо осведомлены.

— Согласитесь и узнайте, какие показатели они считают настоящими.

— Для кого?

— Пока для себя.

— Вы просите меня шпионить?

— Я прошу вас впервые прочитать приложение раньше основного вывода.

Она закрыла планшет.

— В Яиссории строят две реальности. Одна — для людей: спокойная, последовательная, полная временных мер. Вторая — для тех, кто принимает решения. В ней нет ни спокойствия, ни временных мер. Мне нужно понять, насколько далеко они разошлись.

— И если поймёте?

— Тогда решим, можно ли их снова соединить.

— «Мы»?

Катя улыбнулась.

— Не обольщайтесь. Пока вы — материал исследования.

Она ушла первой. На столе осталась визитка без названия издания, только имя и номер.

Алексей допил остывший кофе и почувствовал раздражение. Катя говорила так, будто видит его лучше, чем он сам. Хуже всего было то, что часть её диагноза совпадала с его собственным.

На улице он бросил визитку в урну.

Прошёл половину квартала, вернулся и достал её из-под мокрого бумажного стакана.

На следующий день Алексей выступал перед рабочей группой Совета развития. Он признал, что итоговая формулировка предвыборного прогноза недостаточно подчёркивала вероятность каскадного отказа, но доказал, что сама модель позволила быстро выбрать районы для ограничений. Министр слушал, постукивая карандашом по столу.

— Значит, проблема не в расчёте, а в переводе расчёта на язык решения?

— Да.

— Вы сможете создать единый индекс, который позволит сравнивать последствия между отраслями?

— Сравнить можно всё. Вопрос — по каким критериям.

— Критерий один: сохранение управляемости.

Алексей записал фразу. Она показалась ему технической. Только позднее он понял, что «сохранить управляемость» и «сохранить людей» — разные задачи, которые иногда совпадают.

После совещания в коридоре его догнала помощница министра.

— Руководитель просил передать: вопрос по старой записке закрыт. Институт получит дополнительное финансирование.

— А ответственность?

— Вы разработаете методику, исключаящую повторение.

Так вина превратилась в проект, а проект — в повышение.

Катя не звонила. Алексей проверял визитку в кармане, хотя не собирался с ней связываться. Через неделю «Фактор» опубликовал материал без подписи о трёх погибших в Озёрске. Там не назывались ни Алексей, ни институт. В статье сравнивались часы получения распоряжения администрацией и время уведомления жителей.

Официальные ведомства не опровергли факты. Они сообщили, что публикация «игнорирует спасение энергосистемы в целом».

Под статьёй появились тысячи комментариев. Одни спрашивали, почему людей не предупредили. Другие называли погибших неизбежной ценой и обвиняли редакцию в паникёрстве. К вечеру комментарии закрыли.

Через два дня сайт «Фактора» начал открываться с перебоями. Потом издание объявило о смене собственника и временной приостановке расследовательского отдела.

Алексей набрал номер Кати.

— Это из-за Озёрска?

— Нет, — ответила она. — Из-за привычки задавать вопросы до того, как ответ согласован.

— Где вы?

— На работе.

— Издание закрывают.

— Издание — не работа. Работа — находить причинную связь.

— Вам нужна помощь?

Катя засмеялась.

— Вы предлагаете государственному журналисту защиту от государства?

— Я могу узнать, кто инициировал проверку.

— А потом?

— Иногда достаточно знать.

— Нет, Алексей. Знать недостаточно. Вы пока всё ещё путаете архив с действием.

Она отключилась.

Вечером Илья прислал повестку по делу Озёрского завода. Институт привлекали третьей стороной. Алексей позвонил директору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.